

столько значительныя какъ доселѣ потери. Болѣе нежели въ два раза умножившіяся войска, ежегодное усиленіе ихъ, потерянные крѣпости даютъ поводъ къ язвительнымъ заключеніямъ. У меня во все время одинъ разъ, при занятіи Акушинской области, могло собраться семь тысячъ человѣкъ, присланныхъ тогда на укомплектованіе корпуса; послѣ того и до конца самое большое число войскъ не превосходило шести батальоновъ пѣхоты и до четырехъ сотъ козаковъ, иногда и того менѣе. Нынѣ съ такимъ числомъ не пошлешь ты авангарднаго твоего генерала.

Ты, не сумнѣваюсь я, вскорѣ это дѣлать будешь, и уже слишкомъ знакомо имя твое Русскому солдату, чтобы подъ повелѣніями твоими они не убѣждены были преодолѣть противящихся и торжествовать постоянно. Тебѣ суждено быть смирителемъ гордаго Кавказа. И конечно этого всѣ тебѣ желаютъ, и подвигъ по истинѣ тебя достоинъ.

Вотъ, почтеннѣйшій графъ, разность положенія твоего съ моимъ! Твоимъ подвигамъ есть польза наша дать извѣстность; они по мѣрѣ предоставленныхъ тебѣ средствъ должны быть значительны; слѣдовательно легко будетъ обуздать журналы, что само по себѣ составитъ успѣхъ и дастъ успокоеніе. А еслибы случилось допустить и нѣкоторую прикрасу, это уже принято всѣми, и мы сдѣлаемъ весьма охотно, безъ упрека совѣсти, когда при самихъ потеряхъ допускаемъ хвастовство. Давно уже, по разнымъ описаніямъ нашихъ дѣйствій, войска стыдятся встрѣтиться съ числомъ горцевъ менѣе десяти тысячъ человѣкъ, и рѣдко дерзость ихъ наказываютъ меньшею потерею какъ въ половину.

Неизлишне привести это нѣсколько въ благопристойный размѣръ; ибо со времени удаленія моего или, лучше сказать, со времени начала побѣдъ, надобно удивляться, что не уничтожено все населеніе горъ.

Теперь ожидаю скорого о тебѣ и подвигахъ твоихъ извѣстія, судя по времени выступленія твоего, и только одного боюсь, что Шамиль будетъ имѣть благоразуміе уклониться встрѣчи съ нашими войсками. Впрочемъ я исполненъ прекраснѣйшихъ предчувствій. Желаю тебѣ здоровья. Всего прочаго у тебя много, и все зависитъ отъ тебя. Прощай

Преданный тебѣ Ермоловъ.

19 Іюня 1845.

Москва.

Москва, 31 Августа 1845.

Получилъ письмо твое, почтениѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Поздравляю съ окончаннымъ походомъ, съ полученною наградою и, не менѣе, съ доставленными наградами подчиненнымъ, знаменующими щедрость Государя, его удовольствіе и совершеніе важнаго имъ предначертаннаго предпріятія. Желаніе его вполнѣ исполнено, и Дарго не существуетъ!

Чрезвычайно я былъ радъ, что описаніе твое дало мнѣ понятіе о происшествіяхъ, безтолково разглашаемыхъ болтливою Москвою.

На минуту пріѣхалъ я изъ деревни. Мнѣ говорятъ, что Кавказъ есть почти единственный предметъ разговора въ обществѣ и во всѣхъ состояніяхъ. Всякой необдуманно говоритъ свое, и потому можно себѣ представить, какое изъ сего происходитъ безобразіе.

Изъ письма твоего вижу, съ какими войска твои боролись затрудненіями, съ какою превозмогали ихъ твердостью, не ослабѣвая при поставляемыхъ самою природою препятствіяхъ. Кто могъ предусмотрѣть, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ будетъ морозъ до 5 градусовъ, долженствующій нанести вредъ войскамъ и, истребя мно-

жество лошадей, уменьшить средства подвоза провѣ-
анта? Жаль чрезвычайно, что нельзя уже было со-
ставить запаса, который бы обезпечилъ дальнѣйшія
дѣйствія; ибо я полагаю, что ты не ограничился бы
безплоднымъ появленіемъ въ Андіи, но могъ застиг-
нуть незадолго предъ тѣмъ удаленныя семейства, обре-
мененныя имуществомъ. Безъ сумнѣнія, ты не допу-
стилъ бы истребить народъ невоинственный, со вре-
мени Грузинскихъ царей наполняющій Тифлискіе
базары своими издѣліями, но могъ нанести большой
ужасъ и произвести полезное впечатлѣніе, даруя имъ
пощаду.

Ты говоришь, что нѣсколько уже лѣтъ войска
собирались идти въ Андію, гдѣ Русскіе никогда не
были. Не знаю кому первому пришла мысль туда
проникнуть, но, конечно, не самому дальновиднѣйшему
изъ нашихъ начальниковъ. Если только для того,
чтобы сказать, что даже Андія свидѣтелемъ была
славы нашего орудія, то являлось оно далѣе, не ме-
нѣе трудными путями. Была крѣпость въ Кунзахѣ,
державшая въ покорности нѣкоторое населеніе. За
приверженность къ намъ истреблено Шамилемъ, безъ
различія пола и возраста, все населеніе вѣрнаго
Унцукуля. Много мѣстъ, гдѣ не были войска Русскія,
и я, убѣжденный, какъ и ты говоришь, что Русской
груди и штыкамъ Русскимъ ничто противустоять не
можетъ, думаю однакоже, что въ тѣхъ мѣстахъ и не
будутъ.

Уже девятнадцатый годъ, какъ удаленъ я изъ вашего
края, совершенно измѣнились обстоятельства, и все
для меня до того ново, что я не только не позволяю

себѣ имѣть мнѣнія, но чувствую, что недостаточны и даже несвязны мои понятія; а только держась общихъ правилъ и нѣсколько опираясь на десятилѣтнюю опытность и изученіе характера противобурствующихъ вамъ народовъ, я что-нибудь понимаю.

Довольно съ давняго времени, неудачныя дѣйствія наши противъ Шамиля, въ собственное наше извиненіе, выставили его за человѣка необыкновеннаго, за генія, противъ котораго необходимы средства чрезвычайныя! Тако равно и Дарго, разбойничій притонъ его, впрочемъ ничтожная деревушка, каковыхъ много на каждомъ шагу въ землѣ гористой и которыхъ твердость состоитъ въ непроходимости лѣсистыхъ дорогъ, прославлена резиденціею, и породилась мысль непремѣнно овладѣть Дарго! Никогда самъ по себѣ не былъ бы ты въ подобномъ заблужденіи, и я убѣжденъ, что Дарго не былъ бы твоею цѣлью. Къ чему поведетъ истребленіе резиденціи? Шамилю наставленіе избирать мѣста менѣе угрожаемыя. Здѣсь жилъ Шамиль для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями нашими на плоскости, гдѣ твердо должно быть владычество наше. Здѣсь и теперь онъ жить будетъ; а для того, что не захочетъ вамъ отдать, найдетъ онъ мѣста недоступныя и безопасныя. Не лазить же въ каждую нору разбойника! Что взято въ Дарго? Даже неподвижныхъ чугунныхъ пушекъ ни одной не отыскано. Прости, можетъ быть, нескладную мысль, простосердечно высказанную, нѣкогда старому по службѣ товарищу: я легко могу ошибаться и свѣдѣнія не всѣ имѣю точныя.

Вижу, что въ число огромныхъ наградъ генераламъ одинъ не попалъ Фонъ-Клугенау. Догадываюсь, что